

РЕЦЕНЗИИ

ЭО, 2010 г., № 1

© Ю.Д. Анчабадзе, И.Л. Бабич, Л.Т. Соловьева. Рец. на: *Р.Х. Керейтов. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры* / Науч. ред. Ю.Ю. Клычников. Ставрополь: Сервисшкола, 2009. 464 с., ил.

Автор рецензируемой монографии – Рамазан Хусинович Керейтов – один из ведущих российских кавказоведов, доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии Карачаево-Черкесского Института гуманитарных исследований, посвятивший свои многочисленные труды (более 130, в том числе четыре книги) проблемам истории и этнографии ногайского народа. Новая работа Р.Х. Керейтова охватывает весьма обширный круг исследовательских проблем. Во многом она, безусловно, продолжает, углубляет и детализирует предшествующие научные изыскания автора (*Калмыков и др.* 1988; *Керейтов* 1994, 1996, 1999), выводя их на уровень исследовательского анализа и обобщения.

Рецензируемая монография, ставшая результатом тщательного и скрупулезного анализа и осмысления материала, который был собран автором на протяжении многих лет, несомненно, привлечет внимание значительного числа специалистов – не только кавказоведов, но и тех, кто занимается исследованиями древних и современных народов Средней Азии и Казахстана, Южной Сибири, Поволжья, Северного Причерноморья. Одна из причин этого кроется, видимо, в самой специфике формирования изучаемого Р.Х. Керейтовым народа, предки которого на протяжении веков вступали в самые разнообразные контакты с теми народами и племенами, с которыми сталкивали их превратности и перипетии исторического существования. Впечатляет один только перечень всех тех этнических групп и сообществ, в основном тюркоязычных, но не только, которые попадают в сферу внимания автора, проводящего сравнительный анализ различных элементов традиционно-бытовой культуры ногайцев. Р.Х. Керейтов справедливо замечает, что “формирование ногайского народа происходило в сложных этнических взаимосвязях местных племен и представителей племен, вошедших в орбиту миграций в результате захватнической войны золотоордынских ханов” (с. 35).

Несмотря на обширный круг рассматриваемых в монографии вопросов, главной целью автора стал анализ особенностей этнической истории ногайцев и выделение ее этапов. И лишь на втором месте – описание особенностей бытовой культуры ногайцев. В состав бытовой культуры автор включил две области: хозяйство и материальную культуру (скотоводство, земледелие, жилище, одежда) и общественно-семейные отношения и их отражение в обрядах, в том числе и религиозных.

Исходя из этих двух задач определена и структура монографии. Книга состоит из “Введения”, где автор очерчивает основную проблематику своего исследования и историографию интересующих его вопросов, пяти глав – “Вопросы этнического состава ногайцев”, “Хозяйственный уклад и материальная культура”, “Общественные отношения”, “Семья и брак”, “Религиозные обряды и верования”, “Заключения”, библиографии и списка информантов.

Ключевой вопрос, который Р.Х. Керейтов ставит в своей монографии, – это особенности этнической истории ногайцев, поскольку, по мнению автора, “при этнографическом изучении ногайцев главное – установление основных компонентов, вошедших в этнический состав данного народа” (с. 34). Таким образом, исследователь выявляет прямую связь между особенностями и этапами этнической истории и спецификой формирования бытовой культуры ногайцев. Видимо, это и предопределило степень внимания к этногенетической проблематике: глава “Вопросы этнического состава ногайцев” занимает почти треть объема книги.

Особенности этнической истории ногайцев. Отметим, что Р.Х. Керейтов исследует историю ногайцев в рамках тюркской этнической истории. Это грамотный подход, поскольку только

Юрий Дмитриевич Анчабадзе – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: anchabadze@yandex.ru

Ирина Леонидовна Бабич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: irina@babich1.net

Любовь Тимофеевна Соловьева – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: lubsolov@gmail.com

с его помощью можно выявить характер взаимодействия в ходе истории различных тюркских народов и взаимовлияние друг на друга в процессе становления самобытных культур. Выбранный Р.Х. Керейтовым метод исследования позволил выйти на проблему культурного взаимодействия тюркских народов, в частности автор выделяет шесть направлений этногенетических и историко-культурных связей ногайцев: древнетюркское, среднеазиатское, кыпчакско-алтайское, монголо-тибетское, кыпчакско-казахское, поволжско-северокавказское.

Как установил Р.Х. Керейтов, племенные подразделения уже в значительной степени стерлись из исторической памяти и общественного сознания, однако есть немало групп людей, которые хранят коллективное знание о своих предковых корнях, тем более, что многие современные ногайские фамильные антропоники коррелируют с древними этнонимическими наименованиями, например, Канглиевы, Наймановы, Керейтовы и др., в звучании которых отчетливо прослеживается фонетическая (и, видимо, генетическая) связь с канглы, найманами, керейтами и другими этноплеменными группами, интеграция которых и составила в конце концов ногайское этническое единство.

Приводимый в исследовании богатейший материал по этнонимике племен и родов, участвовавших в сложении ногайского народа, свидетельствует о значительной сложности процесса формирования этого этноса, а также о том, что этот материал действительно отражает важнейшие этапы этногенеза ногайцев. Однако когда это единство сформировалось? Вот вопрос, ответ на который наука, на наш взгляд, еще не дала. Остановился перед этим вопросом и Р.Х. Керейтов. Ему удалось сформулировать концептуальные подходы к этой проблеме, которые, с нашей точки зрения, представляют особый интерес.

Обращает внимание, что автор значительно удревнил и расширил хронологические, территориальные и этнокультурные рамки этногенеза ногайцев, утверждая, что “основу ногайского народа составили тюркские племена, кочевавшие в VI–VIII вв. на территории от Иртыша до Дуная” (с. 121, 122). В то же время Р.Х. Керейтов не отрицает, что историческую основу ногайского этноса составили кипчаки, что, впрочем, учитывая языковую принадлежность ногайцев, вряд ли может быть поставлено под сомнение. Поэтому, на наш взгляд, нет веских оснований искать исторические истоки ногайского этногенеза ранее X–XII вв., когда кипчаки стали одним из важнейших субъектов на евразийских пространствах. Именно в это время интенсифицировались этнополитические и этнокультурные процессы, которые выткали канву этногенеза ногайцев, как, впрочем, и ряда других народов исторического Дешт-и-Кипчака.

Однако детально и последовательно реконструировать этот процесс пока сложно. Весьма осторожен в своих реконструкциях и Р.Х. Керейтов, хотя очевидно, что соответствующий этногенетический процесс автор представляет как втягивание в некое “протоногайское” этническое ядро окружающих этнических групп. Так, о племени канглы, которое приняло участие в этногенезе ногайцев, говорится, что оно “среди ногайцев... распространилось на обширной территории” (с. 57), найманы “в составе ногайцев... заняли одно из ведущих мест” (с. 70) и т.д. Даже о кипчаках автор говорит, что они “вошли в состав ногайцев” (с. 54).

Как нам кажется, соответствующий этногенетический процесс вряд ли можно представить в подобном ракурсе. Стягивающее ядро было, но не этническое, а политическое. В условиях естественных перемещений кочевых групп этническая карта региона постоянно менялась, равно как и лабильные и подвижные границы самих групп. Их отколовшиеся части могли откочевывать на достаточно большие расстояния, входя в этнокультурное взаимодействие с другими группами, образуя с ними в первое время лишь территориальные сообщества, которые стягивались в более или менее прочные образования исключительно политической силой сначала Чингизидов, в затем возвышавшихся местных правителей. Какие бы вопросы не вызывала этимология имени и сама личность Ногай, его роль в начавшемся политическом объединении конгломерата племен, образовавших спустя полтора столетия (в XV в.) Ногайскую Орду, несомненна.

“Основатель” Ногайской Орды Едигей умело продолжил политические традиции своего предшественника, полностью автономизировав своих подданных от золотоордынской власти. Последующие события переместили часть Орды на Северный Кавказ, где в рамках давно осознанного политического единства формировалась этническая общность ногайцев, чему в незначительной степени способствовали общие культурные традиции, характерные для многочисленных тюркоязычных и тюркизированных племен, составивших общую основу “многоликого” (по выражению Р.Х. Керейтова) ногайского этноса.

Описание традиционно-бытовой культуры ногайцев. Обращаясь к этой теме, Р.Х. Керейтов пытается рассмотреть историю формирования бытовой культуры сквозь призму исторической динамики этнокультурного взаимодействия тюркских народов, составившего сердцевину исторического процесса на обширных пространствах Евразии с периода раннего средневеко-

вья вплоть до рубежа нового времени. Именно в этой историко-культурной и хронологической ретроспективе Р.Х. Керейтов ищет специфику этнического облика ногайцев, проживающих ныне несколькими компактными группами в ряде регионов Северного Кавказа. Поэтому вполне оправданно, что значительный раздел монографии Р.Х. Керейтов посвящен рассмотрению этногенетической структуры ногайцев. На основании обширного круга источников автор реконструирует основные “племенные” подразделения, которые входили в состав ногайцев.

В рецензируемой монографии подробно рассмотрены хозяйственный уклад и материальная культура, общественные отношения, семейно-брачная сфера, религиозные обряды и верования ногайцев. Р.Х. Керейтов скрупулезен в описаниях, внимателен к деталям, тщательно фиксирует хронологические и локальные варианты основных элементов народной культуры, извлекая сведения как из многочисленных архивных и литературных источников (завершающая монографию объемная библиография может послужить важным подспорьем для всех интересующихся историко-этнографическим ногаеведением), так и обобщая данные своих многолетних полевых наблюдений, которые позволили собрать большой массив уникальных материалов.

В целом подобное рассмотрение основных элементов традиционно-бытовой культуры ногайцев (скотоводство, земледелие, охота, народный календарь, поселения и жилище, одежда, пища, средства передвижения, общественные отношения, семья и семейная обрядность, терминология родства и свойства, религиозные обряды и верования) является классическим описанием той или иной стороны жизни исследуемого автором этноса.

Следует отметить, что в этих главах сконцентрирован богатейший конкретный этнографический материал, который представляет интерес для самого широкого круга исследователей. Несомненно, это результат того, что Р.Х. Керейтов многие годы занимался выявлением интересующих его материалов не только в письменных и архивных источниках, но и в ходе постоянных полевых экспедиций. Видимо, не осталось ни одного населенного пункта на территории нашей страны, в котором проживают ногайцы, где не проводил полевые исследования Р.Х. Керейтов. Представляется весьма важным, что полевой материал ученый собирал также и у ногайцев в Турции.

Все это позволило исследователю зафиксировать необычайно ценные этнографические детали, характеризующие известные обычаи порой весьма оригинальным образом. Например, обычаем избегания (в частности то, что мужчина не имел права показываться вместе со своей семьей перед старшим братом) ярко отражен в следующем рассказе информанта, относящемся к 1930-м годам: не решаясь сфотографироваться вместе со своей семьей, поскольку была вероятность, что эту фотографию увидит его старший брат, глава семейства попросил того, чтобы он заменил его на этом снимке (с. 283). Насыщенность указанных глав книги полевым материалом придает им особую ценность и достоверность и является несомненным достоинством рецензируемой монографии.

Особенности семейных отношений и семейной обрядности. Рассматривая формы семьи, особенности внутрисемейных отношений и семейную обрядность, Р.Х. Керейтов в меньшей степени обращается к изучению характера “культурного влияния”. И причины этого понятны. Сходство семейной обрядности, внутрисемейных отношений, форм заключения брака, демонологии и т.д. у многих народов Северного (а порой и Южного) Кавказа зачастую обусловлено не чьим-то влиянием, а наличием определенной региональной общности многих сторон традиционно-бытовой культуры народов этой историко-культурной области.

Так, говоря о колыбельном сговоре и сговоре еще не родившихся детей (“поясной сговор”), автор пишет, что они встречались “у родственных ногайцам народов: казахов, узбеков, киргизов, каракалпаков”, “у соседей ногайцев на Северном Кавказе, например, осетин” (с. 301). Но подобные же обычаи были известны и народам Южного Кавказа, и народам Балканского региона, и еще многим другим, и это вряд ли можно объяснить каким-то взаимовлиянием.

Так же, видимо, ни о каком влиянии со стороны ногайцев не говорит и упоминаемый автором тюркский термин *бешик кертма* – название колыбельного обручения, известное грузинам Аджарии, у которых турецкий язык имел некоторое распространение вследствие того, что эта область Грузии входила в течение нескольких столетий в состав Турецкой империи. Добавим, что подобный же термин (*бешикирдма*) был известен и грузинам Самцхе-Джавахети, также находившимся какое-то время под турецким влиянием. Несомненно, если бы автор взял для сравнения азербайджанские материалы, то и там он нашел бы немало сходного с фактами ногайской этнографии.

Особенности духовно-культурных традиций ногайцев. Большой раздел монографии посвящен такой важной традиции ногайцев, как *тамги*. Автор показал, что тамга – это не просто знак семейно-родовой собственности, которым таврили скот, но феномен, многими нитями связан-

ный с важнейшими пластами духовной культуры этноса. Рассматривая родовые и племенные наименования (кыпчаки, канглы, найман, керейты, конгырат, конгур, катаган и др.), Р.Х. Керейтов большое внимание уделяет и тамгам, бытовавшим среди тех или иных племен и племенных подразделений, их названиям и символике, подчеркивая, что тамги – это “свидетели древних этногенетических связей ногайцев”, “свод знаков письма и других изображений разных эпох жизни народов, свидетели не только хозяйственной деятельности, но и духовной культуры” (с. 151). Автор анализирует мировоззренческие, нормативные, ритуальные, социальные аспекты функционирования тамговой системы, которая одновременно стала для него важнейшим историко-этнографическим источником. Любопытно, что проанализировав графику и семантику тамговых знаков, Р.Х. Керейтов выявил значимые кросс-культурные параллели тамгового репертуара, что дало дополнительные аргументы для обоснования этногенетических и историко-культурных связей ногайцев с тюркским миром исторической Евразии.

Характер взаимовлияний и взаимодействия в ногайской культуре. Применение автором описанного выше подхода при исследовании ногайцев, а именно – анализ бытовой культуры в контексте этнической истории, позволил Р.Х. Керейтову выявить и другие направления историко-культурных связей ногайцев, которые на последних этапах своей истории живут в тесном взаимодействии и взаимовлиянии с кавказским и славянским этническим окружением. В исследовании прослежены конкретные пути, формы и результаты этих взаимовлияний, которые обогащали и делали более разнообразными культуры обеих контактирующих сторон.

Религиозные обряды и верования. Одна из наиболее удачных глав монографии посвящена религиозным обрядам и верованиям ногайцев. В ней спрессован огромный по значимости и информационной насыщенности материал, в котором рассмотрены структура, норматика, семантика и т.д. духовной сферы общественного сознания ногайцев. Важно, что Р.Х. Керейтов не противопоставляет домусульманскую и исламскую составляющие народных воззрений, но рассматривает их в единстве нерасторжимого комплекса, который реально функционирует в народной обрядово-идеологической практике. Автору удалось воссоздать основные черты традиционного мировоззрения ногайцев, которое также рассматривается автором как исторический результат сложных путей взаимодействия этносов и культур на протяжении многовековой истории ногайского народа.

Отметим и некоторые недочеты исследования. Почему-то Р.Х. Керейтов использует только данные переписи 1989 г., приводя численность ногайцев в 73,7 тыс. чел., тогда как перепись 2002 г. показала значительное увеличение численности народа – ныне ногайцев 91 тыс. чел. Этот факт в такой фундаментальной книге, безусловно, следовало отметить.

Как нам представляется, проблема, выделенная автором в качестве доминирующей, а именно – “проблема культурного влияния различных этносов (прежде всего тюркских) на историю ногайцев” (с. 10), исследована не во всех главах в равной мере, в меньшей степени – в разделах, посвященных бытовой культуре ногайцев.

Порой в монографии не хватает более подробных авторских комментариев. Так, на с. 212 помещена фотография группы ногайцев, датируемая 1858 г. На изображении отчетливо видно, что одежда персонажей относится к явным кавказским заимствованиям (мужчина – в черкесске с газырями, в бешмете, на талии тонкий ремень с кинжалом; женщины в приталенных распашных платьях, в грудном вырезе которых типично “кавказские” металлические застёжки; характерные длинные нарукавные лопасти полностью соответствуют моде, принятой для женского костюма у привилегированных сословий кавказских горцев). Между тем в подробном описании одежды отсутствуют какие-либо упоминания о бытовании этого типа костюма у ногайцев.

Досадные огрехи встречаются и в других разделах книги. Так, описывая ногайскую демонологию, автор указывает, что “самым распространенным в верованиях ногайцев является дух йин” (с. 397). Но в другом месте (с. 399) говорится, что “наиболее распространенным демоническим образом” был дух Албаслы, что оставляет читателя в неведении относительно реального места этих образов в ногайской мифологии. Анализируя другие демонологические персонажи и подробно останавливаясь на многих из них, автор упоминает, но почему-то не дает описания и семантику таких, видимо, важных образов, как Ер-иеси (хозяин земли) и Кокь иеси (хозяин неба) (с. 403).

В целом в данной монографии использована традиционная структура описания жизни народа и применен традиционный (в “советском” духе) подход к анализу этнической истории. Но 1990–2000-е годы вызвали к жизни новый тип исследований, авторы которых подчас полностью отошли от таких достойных черт советского кавказоведения, как скрупулезность исследования и т.д. Все это, безусловно, присутствует в данной монографии и является одновременно и сильной, и слабой стороной работы. На наш взгляд, автору следовало бы обратиться и к изучению

ногайского общества последних 10 лет, а также использовать и новые, более современные подходы к этнографическому изучению явлений.

Сильной стороной монографии, безусловно, является привлечение автором различных видов источников – архивных, литературных, полевых, собранных автором с 1970 по 1999 гг. Тем не менее, как представляется, автор все же в основном использовал материалы до 1990-х годов, и это явный минус – в книге мы не увидели описания тех изменений, которые произошли в постсоветское время, в частности, вообще не прослеживается роль бурного процесса исламского возрождения, имевшего место на всем Северном Кавказе, в том числе и в ногайском обществе. Автору следовало в большей степени привлечь источники постсоветского времени и уделить трансформациям этого периода должное внимание. Например, Р.Х. Керейтов пишет о роли в современном ногайском обществе родоплеменного фактора во всех сферах жизни, но подробно на этом не останавливается и не анализирует роль родоплеменной структуры в наши дни.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что рецензируемая книга ярко свидетельствует о том, что этнографическое казказоведение во многом еще не дало ответ на вопрос: чем определяется общность многих (если не большинства) элементов культуры народов Кавказа – общим происхождением, взаимным влиянием, внешними заимствованиями? В этом плане исследование Р.Х. Керейтова можно считать весьма успешным опытом, который демонстрирует не только сложность подобной проблемы, но и указывает возможные пути ее успешного разрешения.

Литература

Калмыков и др. 1988 – *Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М.* Ногайцы. Черкесск, 1988.

Керейтов – Керейтов Р.Х. К истории некоторых ногайских фамилий. Черкесск, 1994.

Керейтов 1996 – *Керейтов Р.Х.* Орда пашню пахала на Куме: Очерки истории и этнографии кумских ногайцев. Минводы, 1996.

Керейтов 1999 – *Керейтов Р.Х.* Этническая история ногайцев (к проблеме этногенетических связей ногайцев). Ставрополь, 1999.

ЭО, 2010 г., № 1

© **И.Л. Бабич.** Рец. на: *И.Р. Миннуллин. Мусульманское духовенство и власть в Татарстане (1920–1930-е гг.).* Казань: Изд-во Ин-та истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. 220 с.

Религиоведческие исследования, затрагивающие различные аспекты истории становления религий в России и их современное состояние, вызывают несомненный и постоянный интерес у читателей. Во многом это связано с тем, что мусульмане, развивающие так называемый политический ислам, активно создают собственную историю религии, подчас сильно искажая ее своими мифологическими построениями. В этом контексте книга И.Р. Миннуллина, подготовленная в Институте истории Республики Татарстан, представляет огромный интерес, поскольку она объективно и скрупулезно исследует историю ислама в одном из наиболее “исламских” регионов России – Татарстане, начиная с первых лет советской власти и заканчивая 1940-ми годами.

Надо сказать, что в современных исследованиях по исламу советский период его истории в России вообще, и в Татарстане в частности до сих пор вызывает неоднозначную оценку: как справедливо пишет автор, «с одной стороны, религия в эту эпоху основательно утратила свой потенциал, а с другой – консервация мусульманских устоев в сознании их носителей стала основой “исламского возрождения” 1990-х гг. в России» (с. 3). Поэтому рассмотрение И.Р. Миннуллинским истории бытования ислама, мусульманского духовенства, мечетей и прихожан в Татарстане в 1920–1930-е годы во многом позволяет проследить корни многих негативных явлений, появившихся в современном “исламском возрождении”, которое в последнее время чаще называют “исламской мутацией”.

И.Р. Миннуллин грамотно продумал структуру своей монографии. Проблему соотношения ислама и власти в 1920–1930-е годы он разобрал с трех ключевых сторон: правового статуса мусульманского духовенства, основных тенденций в государственно-партийных органах совет-

Ирина Леонидовна Бабич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: irina@babich1.net